

Продолжение. Начало на стр. 2

Здесь не было у нас никаких проблем. Мы договорились о том, что Турция по просьбе Азербайджана будет принимать участие в контроле за соблюдением прекращения огня. Мы сделали это совместно с Турцией, имену в виду, что у нас есть очень хороший опыт взаимодействия на Ближнем Востоке, в том числе в Сирии, где мы и в Идлибской зоне, и на границе между Сирией и Турцией вместе организуем совместное патрулирование, конвой.

Здесь такого рода взаимодействие не требуется, но мы договорились о том, что мы создадим совместный центр, который будет использовать беспилотные летательные аппараты, вместе будем контролировать ситуацию вдоль линии разграничения с помощью этих летательных аппаратов, вместе будем получать информацию и вместе ее анализировать и, соответственно, делать выводы из того, что происходит в действительности, в жизни в режиме онлайн, в режиме текущего времени.

Где он будет размещаться — это другой вопрос. Очевидно, что он будет на суверенной территории Азербайджана находиться, и Азербайджан вправе принять решение самостоятельно, где он посчитает целесообразным его разместить.

— По поводу вкусовых оценок. Все-таки очень много, конечно, говорят и рассуждают о роли Турции в этом регионе. Как Вы в целом оцениваете ее роль во всем произошедшем в последние месяцы?

— Я думаю, что это не входит в мои обязанности — оценивать роль Турции. Разные люди, разные страны оценивают по-разному. На данный момент времени по-разному у различных государств складываются отношения с Турцией. Мы знаем предысторию, и подчас драматическую предысторию отношений между Турцией и Россией на протяжении веков.

Но я хочу знать на что обратить внимание? На то, что, скажем, не менее тяжелая и трагическая история была у многих европейских народов в отношениях друг с другом. Например, та же Франция и Германия. Сколько раз они воевали между собой? Сейчас они в рамках НАТО вместе осуществляют свои функции по обороне и безопасности, так, как они считают нужным это сделать, сотрудничают в рамках Европейского экономического сообщества. Они преодолели все это, перешагнули и в интересах будущего своих народов двигаются дальше. Почему мы здесь, в регионе Черного моря, не можем сделать то же самое?

Да, у нас далеко не всегда и не во всем совпадают позиции и точки зрения, они иногда и диаметрально расходятся. Но в том и заключается искусство дипломатии — в том, чтобы найти компромисс. А компромисс основан на уважении к партнеру.

— Со стороны Франции и США сквозит уже чуть ли не обиды, что их-то вот не позвали поучаствовать в этом соглашении. Вообще, у этого формата — Минской группы ОБСЕ — есть будущее?

— Ну, я не знаю по поводу обид. Когда вопросы решаются, обсуждаются на таком уровне и в таком контексте, когда речь идет о здоровье и о жизни, о судьбе миллионов людей на длительную историческую перспективу, здесь не до обид, не до того, чтобы губы надуть. Здесь совершенно другие категории учитываются. И я думаю, что на самом деле это гиперболы, такое художественное преувеличение, что кто-то на кого-то обиделся.

Что касается роли Франции и Соединенных Штатов, я очень высоко их оцениваю, роль и Франции, и Соединенных Штатов, потому что они всегда были в материале, всегда искали пути решения этой проблемы. Я уже сказал, начиная с 2013 года, когда Россия предложила основу формата будущего урегулирования, и Франция, и США в целом поддержали наше предложение и вместе солидарно работали.

Вопрос в том, как и возможно ли было учитывать до деталей мнение каждого из наших партнеров при подготовке итогового документа, который лег в основу нашего трехстороннего заявления, в основу прекращения огня, но это вопрос чисто технического характера, ведь это не подрывает базы нашей общей позиции по принципам урегулирования. Заявление, которое мы сделали, полностью основано на трехсторонней позиции.

Что касается самого подписания, подписантов, ведь, обратите внимание, я уже сказал, что 19–20 числа у меня

была серия телефонных переговоров и с президентом Алиевым, и с премьером Пашиняном, и в целом, как мне казалось, мы уже почти достигли договоренностей о прекращении боевых действий. Но не сложилось, не срослось, к сожалению. И ситуация начала складываться таким образом, что, в общем, произошло то, что можно было предвидеть, а именно, вооруженные силы Республики Азербайджан взяли под контроль Шушу. И, как абсолютно справедливо и по-честному, обращаясь к своему народу, сказал премьер-министр Пашинян, помоему, вчера. Он сказал, что ситуация сложилась критическая для армянской стороны. Счет шел на часы. И возможно

было взять и Степанакерт, и дальнейшее движение. Поэтому в этих условиях, если уж сказать прямо, в интересах армянской стороны было немедленно прекратить боевые действия. Где уж здесь проводить дополнительные консультации в рамках Минской группы ОБСЕ? Это просто нереалистично. Надо исходить из реалий, которые сложились на поле боя в данный момент времени. Мы так и сделали в интересах как азербайджанского, так и армянского народов.

— Вы сказали об этом, да и широко известно, никто не скрывал, что Азербайджан поддерживала Турция. Было достаточно много информации о переброске в зону конфликта боевиков с Ближнего Востока. А Армения поддерживала, она чувствовала помощь? Как известно, Армения — член ОДКБ.

— Я хочу вернуть вас к той части, о которой я говорил в начале. Армения же не признала независимость и суверенитет Нагорного Карабаха. Это означало с точки зрения международного права, и Нагорный Карабах, и все прилегающие к нему районы являлись, являются неотъемлемой частью территории Азербайджанской Республики.

Договор ОДКБ (о коллективной безопасности) предусматривает взаимную помощь в случае агрессии в отношении территории страны — участницы этого договора. На территорию Армянской Республики никто не покушался. И это не давало нам никакого права принять прямое участие в этих боевых действиях.

Что касается того, не чувствовала ли себя Армения в одиночестве, — уверяю вас, что Российской Федерации в рамках и многосторонних, и двусторонних обязательств, в том числе в сфере военнотехнического сотрудничества, полностью выполняла все свои обязательства, за что руководство Армении, в том числе в лице премьер-министра Пашиняна, неоднократно выражало слова благодарности и подчеркивало, что Россия в полном соответствии со своими обязательствами выполняет все обязательства (прошу прощения за тавтологию) в этой сфере.

Мы, кстати говоря, исходили и из того (вы сейчас упомянули о роли Турции, о неформальных вооруженных формированиях), мы исходили из того, что даже в ходе таких серьезных событий должен быть соблюден баланс сил. И уверяю вас в том, что Армения не чувствовала себя брошенной, забытой. И Россия сделала все, чтобы этого не было. Но так сложилась ситуация на поле боя, именно так, как она сложилась, о чем и сказал откровенно и честно премьер-министр Пашинян в своем обращении к нации, во вчерашнем своем заявлении.

— Возвращаясь к внутриполитической обстановке в Армении, очень остро там ситуация складывается, президент Армении уже требует назначить парламентские выборы и передать власть правительству национального согласия. Ну, бурлит, действительно, ситуация. Нет ли опасности в том, что в итоге к власти

в Армении придут люди, которые попросту откажутся выполнять все то, что подписано.

— Это было бы самоубийством.

Я еще раз повторяю, премьер Пашинян — ему, конечно, тяжело, но он сказал, обрисовал истинную картину, истинное положение дел, так, как оно есть, так оно было на момент подписания нашего трехстороннего заявления, и так, как оно есть сегодня. Мне добавить нечего. Он сказал всю правду, правдиво, честно абсолютно, здесь, я повторяю, нечего добавлять. Поэтому это, конечно, дело каждой стороны, соблюдать или не соблюдать достигнутые договоренно-

момент все-таки, когда и как документ стал таким, каким мы все его увидели?

— Вы знаете, это был сложный, я бы сказал, энергозатратный процесс, я думаю, что со всех сторон. И происходило это в результате трехсторонних консультаций. По сути, мне пришлось взять на себя роль посредника, когда я разговаривал с одним и со вторым лидером, выслушивал их требования, претензии к тексту, вносил какие-то изменения, связывался с другой стороной, выслушивал их пожелания и требования, потом консультировался с первой по поводу приемлемости этих положений для других партнеров. Но фактически это была равноправная, равноценная, трехсторонняя работа.

— Это все произошло именно в этот день или ранее уже были какие-то наметки?

— Именно в этот день.

Да, я возвращаюсь к тому, что было сказано премьером Пашиняном. Просто сложилась такая ситуация в зоне боевых действий, когда, прямо скажем, Армения подошла к такой черте, когда нужно было принимать решение. Но надо отдать должное, и в этих условиях, конечно, все-таки борьба шла с обеих сторон за каждую фразу, за каждый пункт, можно сказать, за каждую запятую.

— В ту ночь мы все были свидетелями, у Вас состоялся телемост с Алиевым. Пашинян не было в этом телемосте. Почему?

— Это его надо спросить. Он просто не посчитал возможным, нужным. Важна же была не картинка, а суть наших договоренностей.

— Из Армении и от российских армян даже сейчас можно часто слышать упрек, что довольно своеобразная, мягко скажем, позиция руководства Армении в отношении, в том числе, и России, в общем-то, и привела к тому, чем все завершилось. Как Вы такие оценки оцениваете?

— Я не понимаю, что имеется в виду. Никаких особенностей в наших взаимоотношениях с Арменией за послед-

сти, но, повторяю еще раз, это было бы огромной ошибкой. Надеюсь, что этого не случится. Это первое.

Второе. Что касается внутривнутриполитической ситуации, это не наше дело, это дело Армении. Армения — независимое, суверенное государство. Это государство вправе решать свои внутренние дела так, как считает нужным. Но если вы хотите моей оценки, то воюющая или находящаяся в опасности возобновления боевых действий, как это всегда было на протяжении предыдущих лет, страна все-таки не может позволить себе вести

себя таким образом, в том числе в сфере организации власти, чтобы раскалывать общество изнутри. Мне кажется, это абсолютно недопустимо, контрпродуктивно и в высшей степени опасно. На мой взгляд, мы являемся как раз свидетелями, отчасти хотя бы, но свидетелями того, что происходило в последнее время.

— После соглашения стремительно в зону конфликта были переброшены российские миротворцы. Того числа, которое там есть, его достаточно для выполнения поставленных задач? И важный вопрос: получают ли наши военнослужащие так называемые боевые за такую службу?

— У нас есть нормативная база. Отрегулировано это в соответствующих указах президента, которые были приняты раньше. Военнослужащие, которые выполняют миротворческие функции, получают эту миссию, получают дополнительные выплаты, но не боевые, а именно за выполнение своих миротворческих функций за рубежом.

Что касается того, хватает или не хватает, то этот вопрос должен решаться из реальных требований жизни, которые возникают, конечно, каждый день. В принципе мы исходим из того, что этого достаточно. Но если что-то можно и нужно будет менять, то это можно будет делать только по согласованию сторон.

— Вы уже несколько раз сказали, что в ходе всего этого конфликта многократно разговаривали как с премьером Армении, так и с президентом Азербайджана, и раньше Вы об этом тоже говорили. Если вернуться в ту ночь, в какой

нее время, в том числе за время, когда у власти находился премьер Пашинян, я не отмечаю. Да, я уже говорил применительно к сегодняшнему дню, но я и к ситуации нескольких лет до этого считал и считаю, что страна, которая находится в достаточно сложном положении, на грани боевых действий, не может себе позволить организацию внутренней политической жизни и власти с помощью улиц. До хорошего этого не доводит. Раскол общества не ведет ни к чему хорошему. Консолидировать надо общество, а не разваливать.

Но мою позицию все знают, я говорю об этом открыто, здесь я, не стеснясь, сейчас говорю об этом публично. Но это никак не повлияло на наши отношения. Да, у меня были хорошие отношения с прежним руководством, я этого никогда не скрывал и не прятал эти отношения никогда. Но это никак не отразилось на межгосударственных наших связях. Поэтому что, во-первых, у нас и личные отношения сложились достаточно доверительные и конструктивные. Поэтому мне эти намеки не очень понятны. Первое.

А второе и очень важное. Кроме лиц, облеченных определенным доверием в своей собственной стране, есть народ этой страны. И если вы говорите об армянском народе, то Россию и армян связывают многовековые отношения, уходящие корнями далеко-далеко в прошлое.

В основе наших отношений — культурная, религиозная близость, многое исторически нас связывает. И это важнее даже, чем отношения между конкретными людьми. Мы помним об этом, никогда не забываем, и это лежит в основе нашего взаимодействия с Арменией.